

мч-2

1.2

ЛИТЕРАТУРНЫЕ БЕСЕДЫ.

О студентах.

Если бы меня спросили, что мне не нравится в наших теперешних учениках, то и ответить бы на это не сразу и немного, но с достаточной определенностью. Недостатки их я знаю и мне поэтому нет надобности прибегать к туману общих фраз. Мне не нравится, что они курят табак, употребляют спиртные напитки и поздно женятся, что они безразличны и часто равнодушны до такой степени, что терять в своей среде голодающих и не платить долгов обществу вспомоществования студентам. Они не знают новых языков и неправильно выражаются по-русски. Они охотно поддаются влиянию писателей новейшего времени, даже не лучших, но совершенно равнодушны к таким классикам, как, наприм., Шекспир, Марк Аврелий, Эпиктет или Паскаль, и в этом неуменье отличать большое от малого наиболее всего сказывается их житейская непрактичность. Все затруднительные вопросы, имеющие более или менее общественный характер (наприм., переселенческий), они решают подлинными листами, но не путем научного исследования и опыта, хотя последний путь находится в полном их распоряжении и наиболее соответствует их назначению. Они охотно становятся ординарами, ассистентами, лаборантами, экспедирами и готовы занимать эти места до сорока лет, хотя самостоятельность, чувство свободы и личная инициатива в науку не менее нужны, чем, наприм., в искусстве или торговле. У меня есть ученики и слушатели, но нет помощников и наследников, потому я люблю их и умиляюсь, но не горжусь ими.

Так (строго, но справедливо) отзываясь о русских студентах герой «Скучной истории» А. П. Чехова, старший, заслуженный профессор, светило науки, Николай Степанович. Каждое слово Николая Степановича может быть подтверждено языком цифр и официальных документов: фериады студенческих благотворительных обществ, их вынужденная угроза опубликовать списки неисправных должников, из которых много даннико-дально великодушно устроились из материальных отношений, обстоятельные отчеты гг. попечителей петербургского и киевского учебных округов, правдиво рисующие все убожество университетского развита юношей на пороге университета, наконец, личные наблюдения каждого из

наш над знакомыми ему представителями учащейся молодежи,—все это с убийственной силой говорит о понижении идеалов в студенческой среде, о безпринципности, все более и более туда проникающей, о нравственном и интеллектуальном кризисе, переживаемом теперь нашим юным поколением. Во-первых, общество любить студентов и умиляться ими, как не может не любить своего ребенка каждая мать, как ни были бы они неказисты, но общество не гордится ними своими студентами. Разве станут мать гордиться детьми, чьи пороки или уродства видны даже ей, умиленному, далеко безпристрастному взору? Этой горячей любовью ко всей учащейся молодежи и объясняется тот неослабывающий интерес, с которым читались и читаются дельные статьи о недугах нашего среднего образования гг. П. Гидича, А. Амфитеатрова и В. Гиппса, и увлекательные, несмотря на всю свою сухость, очерки московского студенческого бита г. А. Филиппова. Только что увидевшая свет книга В. М. Грибовского (Гридень), «Студенческие рассказы», Спб., 1898 вводит нас все в тот же круг интересов, близких сердцу каждого, кто любит Русь и грядущих работников на ее пользу,—современных студентов.

Разбору труда г. Грибовского я хочу предпослать указание на два произведения, которые сослужат нам добрую службу при отпике «Студенческих рассказов», помогши отделить в них плевеи от доброго зерна. Одно из этих произведений—«Литературный сборник произведений студентов с.-петербургского университета под редакцией Д. В. Григорюнина, А. Н. Майкова и Я. П. Половникова, Спб., 1898; другое—роман Н. Гарины «Студенты», печатавшийся в 94 и 95 годах в «Русском Богатстве» и ныне появившийся отдельным изданием.

Важность и значение «Сборника», как «человеческого документа», как материала для характеристики его авторов, т.-е. лучших, наиболее сложившихся, развитой и талантливой части студенчества, не пужаются в подкрепление: есть бюфоновское изречение «стиль—это человек» никогда не утратит своей силы вообще, и, конечно, уж в особенности по отношению к называющим писателям, каковыми выступают все поголовно 20—24-летние авторы «Сборника». При чтении его, первое, что сразу бросается в глаза непредубежденному человеку, это какая-то эскизность и недоблажность всех повествований в «Сборнике» опытов. Это очень чувствительный недостаток и не могу объяснить себе умения рамках

ми, в при ведении. Причина кор полноты и о буюнтов: 1 ных, крупн тельность ф совь диффер ее и только толпу чело бельному яв те, безврем ию, нить тов-литерат вь наших чник анти-эс ных поту г. Д. Илчев легко да в дребедени, 1 ная манера мировые во форте. Оче водать та х ность, как дна («К о с у-у-шай!... что жебет каркала в этих вещах тасовки на вать личны блага и т. рили в ве ють, котор но, с удив но признани ших лите отратитель дия, не дои мие истина ка эта бере самодовольн «смотрите, чать они,— ние и умные!»

Если «Сборник» тельствует нам студентов, в с мых, чьихх тельная любовь узкой, на вьру торая исчезают шем соприкосно тельностью, то р но объяснить, к рядов, обраца пошляков ювоши ми, понидному, дентов», Артемй лизивают его то умный, хороший и ступнивший в уш